

FILOLOGIYA

УДК 82-1/-9

ЭЛЕМЕНТЫ ФАНТАСТИКИ И СЮРРЕАЛИЗМА В ПОВЕСТИ Н.РАСУЛЗАДЕ «ДОМ»

Офелия МУРАДОВА*

Məqalə redaksiyaya daxil olmuşdur: 19 dekabr 2023; çapa qəbul edilmişdir: 25 yanvar 2024; online-da çap edilmişdir: 21 mart 2024.

Received: 19th of December, 2023; accepted: 25th of January, 2024; published online: 21th of March, 2024.

Ключевые слова: *Азербайджанская проза, русскоязычие, Нати́г Расул-заде, сюрреализм, экзистенциализм, фантастика, гротеск*

Введение

Критический взгляд на русскоязычную прозу видного современного азербайджанского писателя Натига Расул-заде ясно свидетельствует о глубоком переплетении реализма с другими литературно-эстетическими течениями и направлениями, возобладавшими в русской и азербайджанской литературе рубежа XX и XXI столетий. Несмотря на преобладание реалистического мировосприятия в его творчестве, талантливый художник слова не может отстраниться от веяний времени огромного масштаба в мире литературы и искусства. Современную прозу некоторые учёные нередко называют альтернативной. И тому есть вполне ясное и логичное объяснение: она манифестирует новые ценности, одновременно с тем являясь разрушителем прежней системы оценок. Эта литература в известной степени организует процесс понимания и восприятия художественных текстов с помощью особой и целенаправленной (со стороны автора) системы заданий, ориентированной на специфику конкретного материала. Причём, подмечено писателями, что эти тексты в современной альтернативной литературе заметно расширяют пределы национальных интересов и запросов людей. Хорошо это подчеркнул В.Ерофеев: «Сумма разных текстов нередко слагается в роман о вечных странствиях души русской. А поскольку эта душа в последнее время крутилась по свету немало, то опыт её далеко выходит за пределы собственно «славянских» запросов личности, порою превращая само повествование в дерзкий и авантюрный сюжет» [3, с. 7-8].

1. Особенность творческого почерка Натига Расул-заде

Совершенно очевидно, что появление и развитие в России и Азербайджане не традиционной прозы, прежде всего, связано с сомнением писателей в традиционных и порой – в современных общественных устоях. Недаром, одним из центральных творческих стимулов русской прозы явился «боевой» клич, брошенный ещё древними греками: «Всё подвергай сомнению». Нынешнее поколение писателей-прозаиков, и Н.Расул-заде в том числе, в целом ряде своих произведений действительно

* диссертант, Университет Азербайджаны
e-mail: ofeliya.muradova.az@gmail.com

многие стороны нашей жизни стали повергать сомнению. Так, упомянутый В.Ерофеев, пишет: «Новая русская литература засомневалась во всём без исключения. В любви, детях, вере, церкви, культуре, красоте, благородстве, материнстве, народной мудрости. Её иронический скептицизм – это двойная реакция на данную русскую действительность и чрезмерный морализм русской культуры» [2, с. 237].

Разумеется, отмеченное не отдаляет творчество Н. Расулзаде зрелого периода от тех принципов реалистического письма, которым он был верен на протяжении нескольких десятилетий подряд. Речь должна идти, скорее о разумном соединении (симбиозе) некоторых новомодных приёмов в литературе и искусстве при сохранении реалистической доминанты. Вместе с тем мы вынуждены констатировать, что произведения Натига Расулзаде последних лет решительно отличаются от прозы не только 1980-х, но и рубежа веков. Например, уже сборник сочинений под названием «Ловушка», созданный в начале XXI столетия, ясно даёт понять взыскательным читателям и строгим критикам, что наблюдается постепенный переход и к иным художественным течениям. И это, на наш взгляд, вполне объяснимо: талантливый писатель отражает в своем творчестве мировоззренческий контекст и социальные процессы эпохи и обращается к новейшим веяниям в литературе, культуре и искусстве.

Как верно подмечает известный журналист и общественный деятель Эльмира Ахундова, «проза Натига Расулзаде, состоящая из рассказов, повестей и романов, с точки зрения жанра, композиции и стилистики отражает эволюционный путь писателя «длиною в полвека». Переход осуществляется от объективного реализма с глубоким проникновением в психологический мир героев, до фантастических, гротескных и даже сюрреалистических творческих методов изображения» [1, с. 6]. Так, конгломерат вышеуказанных признаков и приёмов в современном творчестве Натига Расулзаде предстаёт в форме единой и комплексной картины мироздания.

На наш взгляд, ярким примером может служить одно из последних на сегодняшний день его творений – повесть «Дом», в котором причудливым образом переплелись некоторые элементы фантастики, гротеска и сюрреализма, и который переведен на многие языки мира и в том числе на родной для писателя азербайджанский язык. Это произведение с совершенно нетрадиционной для азербайджанской прозы 1960-1980-х годов тематики переключается по глубинной семантике и поэтике с романами «Гольфстрим», «Хонхары» и рассказом «Брат».

Однако такая общность имеет в первую очередь типологический характер, а не поверхностно фабульный. Поэтому, небезынтересно, по нашему мнению, отметить, что в другом современном романе «Хонхары» в центре внимания автора оказывается традиционная для азербайджанской литературы тема мести, застилающее собой все светлые чувства и любовь. Но такое сходство лишь внешнее, фабульное и эта тема находит в романе новое воплощение. И это, в первую очередь, свидетельствует в пользу определенного постмодернистского отношения к традиции. А в повести «Дом» неприятие чуждого главному герою образа жизни к тому же можно ещё и дифференцировать по отдельным чертам и признакам. То есть ответвлением от постмодернистской интертекстуальности здесь следует считать экзистенциализм, фантастику и сюрреализм. С таким мнением солидарна и Эльмира Ахундова. Она пишет: «В «Доме», рассказах «Брат», «Притяжение» и некоторых других современных сочинениях Натига Расулзаде прежде всего показаны ирреальные, фантастические события. Отпочковавшиеся от постмодернизма сюрреалистические и экзистенциальные черты и мотивы поражают читателей конструкцией невероятных и абсурдных обстоятельств. В «Доме» они нужны автору, чтобы препарировать, словно под микроскопом, мельчайшие детали тех или иных сторон личности.

Центральный герой силой специфического художественного мировидения автора помещён в экстремальную ситуацию отчуждения от общества. Персонаж осознанно выбрал смерть, отвергнув жизнь как полноценное существование, жизнь как имитацию. Тем самым «Дом» в ряду последних на сегодняшний день сочинений Н. Расул-заде оказался наиболее ярким и наиболее загадочным произведением. Сюрреалистические и экзистенциальные признаки, бесспорно, берут в нём верх» [1, с. 4-5]. Хочется только несколько дополнить мысль Эльмиры Ахундовой: не только и не столько ирреальные события в сюжете «Дома», а, скорее, элементы своеобразной «опрокинутой реальности».

Главный герой «уезжает беспричинно и в никуда, не зная, когда вернётся обратно» [4, с.183]. Впереди его «ничто и никто не ждёт, позади – бесполезное и безответственное прошлое» [4, с. 182]. Повсеместно в этом произведении господствуют экзистенциальные мотивы тоски и одиночества; горечь утрат словно разлита по сюжету повести, туманное и совершенно неопределённое будущее. Сюрреализм – как своеобразное возрождение темы знаменитых «лангольеров» из «Затерянных во времени» Стивена Кинга или «Затерянного мира» А. Конан-Дойля. На отдалённой ото всех районов станции нет никакого пристанища в виде городка, и потому единственной реальностью становится маленький и неприметный полустанок... И извечно проходящий мимо него поезд. Полный абсурд происходящего или, как высказывается Натиг Расул-заде, «полнейшая нелепость ситуации». Поезд вне расписания. Ведь нет ни на одной железнодорожной ветки мира таких прогонов, чтобы сутками не было станций. Это расширение пространственно-временных границ практически до бесконечности. Причём, абсурд ситуации, усиленный драматизмом, когда узнаёшь, что умер сын хозяйки дома, а в поезде, который должен был везти врача и лекарства, не оказалось ни того, ни другого. Одним словом, во вступлении к повести («вместо пролога») события развиваются как в бредовом сне, своего рода сюрреалистическом тумане, но герой, попав в безвыходное положение, «с ужасом для себя начинает понимать, что он постепенно вживается в эту неправдоподобность» [4, с. 192].

Таким образом, вся дальнейшая жизнь героя в призрачном городке чётко разделилась на две неравные и принципиально различные части: «До» и «После», или «Прошлая жизнь» – «Настоящее». Нелепым выглядит не только поведение героев-отшельников в заброшенном городке, но созданная пером Н.Расул-заде ситуация, в которой люди, навсегда оторванные от большого цивилизованного мира, не собираются туда и возвращаться. «Большая земля» для них безвозвратно утеряна, и начальник станции на вопрос главного анонимного героя – «Дикость какая-то! Что же вам мешает в вагон заскочить и навсегда оставить в прошлом старую жизнь, вернуться в обычную жизнь?» – отвечает: – Может, обычная сама эта жизнь у нас и есть» [4, с.197].

Парадокс созданной писателем сюрреалистической ситуации прежде всего заключается в том, что сами обитатели псевдо-городка на обычных жителей вовсе не похожи. Главный герой про себя отмечает их «сумасшедшие лица», «ненормальные взгляды», именует людьми «каменного века», «идиотами» в буквальном смысле. «Глухой бубнёш» людей, «полная несуразица», «бредовый кошмар», «абсурдное одиночество», «полнейшая глухомань» и т.д. – лишний раз усиливают сумасшествие, ненормальность взаимоотношений и драматизм искусственно создавшейся ситуации.

«Привычка – вторая натура» – гласит известная поговорка. Несколько обитателей призрачного дома, привыкшие к новому образу жизни и абсурдной среде существования, фактически свыклись с мыслью о том, что убежать из «Дома» и

городка в целом невозможно. Предпринимался обитателями ряд попыток, окончившихся полным фиаско. На протяжении хода повествования автор неизменно заключает слово «Дом» в кавычки (так он проставлен и в оригинальном заглавии повести на азербайджанском языке). Логика писателя очевидна: этот «Дом» нельзя путать с хронотопом (или архетипом) родного дома, традиционного образа реалистической азербайджанской и русской прозы. В настоящем случае дом – вымышленный, нереальный, вывернутый наизнанку топос и бегство оттуда и возвращение людей к нему недопустимы и немислимы. Горький смех звучит в словах дочери начальника станции – «Убежать ведь можно из тюрьмы, но тут-то беспредельная воля. А разве убегают от воли?» [4, с.203].

Само описание «Дома» приобретает отчётливо фантастические и даже сюрреалистические черты, совершенно противоположные традиционному пониманию символа родного и любимого жилища. Поначалу обитатели ненавидели пришельца, справедливо называя его «непрощеным гостем», и он так же относился к ним, но со временем эта ненависть сменилась полярным чувством – «любовью к «Дому»». Следует заметить, что хронотоп родного дома в азербайджанской и мировой литературе всегда ассоциировался с радостью земного бытия, счастьем возвращения к нему. А здесь «Дом» проклят, опустылен герою. «Самое тяжкое из наказаний – это пребывать в этом мёртвом «доме», полных теней усопших, высасывающих жизнь из человека, а взамен – жалкое подражание» [4, с. 238-239].

Особенностью творческого почерка Натига Расулзаде нередко становятся философские размышления, периодически появляющиеся в тексте, который по своему содержанию, казалось бы, их и не предполагает. Так, интересны и глубоки по своей философской значимости внутренние монологи центрального персонажа этой повести. Перед анонимом раскрывается степь во всей её безграничности. До максимального предела расширены пространственно-временные границы. На небе нет ни единой птицы, на земле – растений или каких-либо следов обитателей здешней фауны. Унылая картина огромной степи, похожей на безбрежный океан.

Какие же живые краски можно вписать в этот совершенно однообразный и скучный пейзаж? Оказывается, возможно. Автор изобретательно вносит живую струю именно с помощью внутренних монологов с выраженным философским подтекстом. Например, у героя «вдруг появляется ощущение, что вся земля и планета вся состоит из этой однообразной степи, которое похоже на божество карающее» [4, с. 221]. Это наказание за грехи человеческие, но какие же тяжкие грехи в своей жизни совершил случайный «вагонный попутчик»? – спрашивает он сам себя.

Нам представляется, что в стиле и духе Толстого герой однажды ложится на землю и смотрит в далёкое небо (одна из центральных и, пожалуй, самых сильных сцен в повести). Но автор «Дома» не повторяется. В отличие от гениального эпизода из «Войны и мира», когда перед взором Болконского проплывали облака, свидетельствующие о бренности человеческого бытия, у Н.Расулзаде герой смотрит в абсолютно безжизненное небо. В нём нет ни птиц, ни облаков. Более того, «...кричи в него, хоть ори во всё горло, никто не отзовется». Но уже совсем по-толстовски, хотя и с примесью явного помешательства героя, он про себя размышляет: «Вот земля, ложись – помирай, и грехи человеческие всегда были, грех – он в безлюдье всегда один и тот же перед Богом и рано или поздно приходит к нам пора расплаты» [4, с. 221]. При этом следует непременно помнить, что ни о каком богоискательстве в стиле выдающихся русских писателей и мыслителей-философов (Д. Мережковский, Н.Бердяев, В.Соловьёв и др.) здесь и речи быть не может. От этих сюжетных путей Н.Расулзаде бесконечно далёк. Например, страницами ниже он в несколько иезуитском ключе напишет: «Господи, до чего ж неловко скроил ты мозг мой, до чего

тупы бывают и несообразны в нелепости своей достигающие благодати и милости» [4, с. 228] и т.д.

Общее тягостное впечатление тем более усиливается, что герой, попавший в среду греховодников и умалишённых, неожиданно подмечает в них черты своего детства, отголоски собственных и очень далёких впечатлений. Это сказывается отчасти в их манере поведения и в речи. И получается, что сам герой либо должен погибнуть, либо превратиться в ребёнка и продолжать жить в полном неведении, противоположном здравому рассудку взрослого человека. Так, Расул-заде постепенно подводит читателя к мысли о том, что «абсурдность самой степи начисто перечёркивает всяческую логику. И ей мог бы вполне руководствоваться здраво-мыслящий человек и опираться на неё в своём начинающемся безумии» [4, с. 221]. И вот уже ностальгируя по мнимому Дому, герой стремится выйти за пределы степи, как некоего бесконечно замкнутого круга, «прийти в свою каморку, зарыться в рыхлое тело буфетчицы, и более ни о чём не думать» [4, с. 221].

Как удаётся подметить, Н. Расул-заде является большим мастером создания парадоксов. Надо полагать, что менее всего в сюрреалистической ситуации повести «Дом» возможно появление обычных человеческих чувств. Материал объективно сопротивляется введению в сюжетную канву матримониальных мотивов. Однако любовная тема в качестве своеобразной фоновой информации и здесь находит своё обоснование. Правда, выражение чувств в создавшейся ситуации выглядит нелепо, угловато, и главный герой удивляется: «Да, видимо, и этот обособленный и крохотный мирок обитателей этого самого «Дома» не в силах обойтись без пошлой схемы грубых человеческих взаимоотношений, заимствуя их некоторым образом у покинутого большого, но окончательного не забытого мира, подражая в стремлении ему усложнить простые и обыденные отношения, нарушая спокойное течение жизни...» [4, с. 225].

И жить ему после бегства от суровой действительности вечно с позором. И так, в одном из вариантов авторской фантазмагии получается следующее: герой пускается в опасный (и, как выясняется, свой последний) путь, исполненный препятствий и испытаний. Самое трудное испытание для одинокого человека – это умение однажды вспомнить о том, что есть мир, для чего начат путь, о том, где начало и конец пути. Пессимистический финал влечёт за собой неминуемую смерть как наказание за земные грехи. Герой вдруг понял, что не обитатели «Дома» были сумасшедшими, а он сам, так как именно он незвано вторгся к ним, «попал в их среду, внося явное беспокойство в их размеренный и мирный уклад жизни» [4, с. 244].

И уже «Высший судия» расставляет на пути знаки, способствующие припоминанию тех или иных обстоятельств, которые и привели его к окончательному фиаско. Такова «карающая десница Господа, не дающая подняться с колен» [4, с. 239], - делает автор повести окончательный вывод. Как это ни парадоксально, но именно в «Доме» герой многое передумал и пересмотрел свои прежние жизненные ориентиры. Он понимает, что наказан Господом за то, что был в своё время «трус и червь» [4, с. 239], что на самом деле не был никогда свободным, благородным и смелым» [4, с. 239].

На наш взгляд, парадоксальность мышления проявляется и на языковом уровне. И это при том условии, что проанализировав весь без исключения имеющийся материал по творчеству Н.Расул-заде (многочисленные рецензии и интервью в газетах, журналах и в Интернете) нам не удалось обнаружить ни единого высказывания критиков, учёных, журналистов, общественных деятелей о Н. Расул-заде как писателе-парадоксалисте. А между тем общая тональность повествования в настоящей повести противоречит богатому использованию автором эпитетов, метафорических выражений или иных специализированных стилистических фигур. Но они

всё же присутствуют в тексте. («Я хватался за любую зацепку, любую трещинку в крошащихся и стёршихся стенках моей памяти»; «очертания песочных замков, порушенных волнами времени»; «клубочек памяти в заранее готовенькой колее»; «провалиться с пика утомления в жерло бездонной пропасти») и т.п. применены в этой повести и паремии.

Заключение

Всё отмеченное в настоящей статье ясно свидетельствует о том, что помимо реалистических произведений, принципам которого Натиг Расулзаде, бесспорно, остаётся верен, у него имеются и подлинно новаторские сочинения, в которых можно наблюдать своеобразный симбиоз фантастики, гротеска и сюрреализма. Кроме того, в повести «Дом» зримо просматриваются экзистенциальные мотивы отчего дома, собственно, текст закономерен и завершается гибелью главного героя-одиночки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахундова Э. Полвека в пути (о творчестве Натига Расулзаде) // Литературный Азербайджан, 2019, №6, с. 3-9.
2. Ерофеев В.В. В лабиринте проклятых вопросов. Москва: Советский писатель, 1990, 448 с.
3. Ерофеев В.В. Русские цветы зла: Антология, Москва: Художественная литература, 1998, с. 5-11.
4. Расулзаде Н. Дом. Повесть, Баку: Типография Университета «Тефеккюр», 2016, с. 181-244.

Xülasə

Ofeliya Muradova

N.Rəsulzadənin “ev” hekayəsində fantastika və sürrealizm elementləri

Məqalə görkəmli Azərbaycan rusdilli yazıçısı Natiq Rəsulzadənin janr üslublu nəsrinin tədqiqinə həsr olunub. Onun yaradıcılığında realizmin 20-21-ci əsrlərin əvvəllərində rus və Azərbaycan ədəbiyyatında hökm sürən digər ədəbi-estetik cərəyanlarla qovuşması müşahidə olunur. İstedadlı yazıçının yaradıcılığında realist dünyagörüşünün üstünlük təşkil etməsinə baxmayaraq, ədəbiyyat və incəsənət aləmində nəhəng miqyasda mövcud olan dövrün cərəyanlarından uzaqlaşa bilmir. Ona görə də yazıçının yeni dəyərlər təzahür etdirən, eyni zamanda köhnə qiymətləndirmə sistemini yox edən nəsr yaradıcılıq metoduna və poetikasına görə çox vaxt alternativ adlanır. Bu ədəbiyyat müəyyən dərəcədə konkret materialın spesifikasiyinə yönəlmiş xüsusi və məqsədyönlü (müəllif tərəfindən) məsələlərin köməyi ilə bədii mətnlərin dərk edilməsi və qavranılması prosesini təşkil edir. Bundan başqa, yazıçılar qeyd edirlər ki, müasir alternativ ədəbiyyatda bu mətnlər milli maraqların və xalqın tələblərinin sərhədlərini xeyli genişləndirir. Lakin qeyd olunanlar N.Rəsulzadənin yetkin dövrünün yaradıcılığını bir neçə onilliklər ardıcıl olaraq sadıq qaldığı realist yazı prinsiplərindən uzaqlaşdırmır. Söhbət, daha doğrusu, ədəbiyyatda və incəsənətdə yeni yaranmış bəzi texnikaların real dominantlığı qoruyaraq ağıllı birləşməsindən (simbiozundan) getməlidir. Eyni zamanda, Natiq Rəsulzadənin son illərdəki əsrlərinin nəinki 1980-ci illərin, hətta əsrin əvvəllərinin nəsrindən qəti surətdə fərqləndiyini bildirmək lazımdır. Bu dövrdə tədricən digər bədii cərəyanlara keçid baş verdi. Bu da, fikrimizcə, tamamilə başa düşüləndir: istedadlı yazıçı öz yaradıcılığında dövrün ideoloji kontekstini, ictimai proseslərini əks etdirir, ədəbiyyatda, mədəniyyətdə, incəsənətdə ən son cərəyanlara müraciət edir. Məqalədə fantaziya, qrotesk və sürrealizmin, qismən də ekzistensializmlə postmodernizmin bəzi elementlərinin poetik şəkildə qovuşmasının nəticəsi olan bütün bu orijinal xüsusiyyətlər təhlil edilir və səciyyələndirilir. Bu baxımdan yazıçının 1960-1980-ci illər və əsrin əvvəlləri Azərbaycan nəsrini üçün tamamilə qeyri-ənənəvi yenilikçi əsərləri “Ev” povesti, “Körfəz axını”, “Xonxars” romanları və “Qardaş” povesti təhlil edilir.

Аçar сөзләр: *Azərbaycan nəsrini, rus dili, Natiq Rəsulzadə, sürrealizm, ekzistensializm, fantaziya, qrotesk*

Elements of fantastic and surrealism in N. Rasulzade's story "house"

The article is devoted to the study of the genre-style synthetic prose of the outstanding Azerbaijani Russian-language writer Natig Rasulzade, in whose work there is an interweaving of realism with other literary and aesthetic movements and trends that prevailed in Russian and Azerbaijani literature at the turn of the 20th and 21st centuries. Therefore, the writer's prose, which manifests new values, while at the same time being a destroyer of the old system of assessments, is often called alternative due to the nature of its creative method and poetics. This literature, to a certain extent, organizes the process of understanding and perceiving literary texts with the help of a special and purposeful (on the part of the author) system of tasks, focused on the specifics of a particular material. Moreover, writers have noted that these texts in modern alternative literature significantly expand the boundaries of national interests and people's needs. However, what was noted does not distance N. Rasul-zade's work of his mature period from those principles of realistic writing, to which he was faithful for several decades in a row. We should be talking, rather, about a reasonable combination (symbiosis) of some newfangled techniques in literature and art while maintaining a realistic dominant. At the same time, we are forced to state that the works of Natig Rasul-zadeh in recent years are decisively different from the prose not only of the 1980s, but also of the turn of the century. During this period, there was a gradual transition to other artistic movements. And this, in our opinion, is quite understandable: a talented writer reflects in his work the ideological context and social processes of the era and turns to the latest trends in literature, culture and art. The article analyzes and characterizes all these original features, which are the result of the poetic interweaving of some elements of fantasy, grotesque and surrealism and partly existentialism and postmodernism. From this point of view, such innovative works of the writer, completely unconventional for Azerbaijani prose of the 1960-1980s and the turn of the century, as the story "Home", the novels "Gulf Stream", "Khonkhars" and the story "Brother" are analyzed.

Key words: *Azerbaijani prose, Russian language, Natig Rasul-zade, surrealism, existentialism, fantasy, grotesque.*

Redaksiya heyətinin üzvü fil.ü.f.d., dos. Şıxıyeva Səadət Məmməd qızının rəyi əsasında çapa məsləhət görülmüşdür.